

Глава 87. На что это похоже?

—

VIII.

Восседавший на почетном месте император Цзяньчжао наблюдал за толпой, сгрудившейся вокруг вдовствующей императрицы ради картины, и краем глаза поглядывал на своего любимого сына, Се Хуаня, чье лицо сейчас было темнее тучи.

В душе императора росло чувство бессилия.

Подарок, преподнесенный на именины вдовствующей императрицы, был плодом их совместных с Се Хуанем долгих раздумий. Именно сегодня должен был состояться выбор официальной супруги для Четвертого принца. Женидьба для принца — это не просто обряд инициации, это обретение родственных связей и политической опоры. Се Хуань, не имея поддержки со стороны материнского клана, всегда был одинок и лишен помощи при дворе, но после свадьбы семья его жены стала бы и его семьей.

План был идеален: завоевать славу самого почтительного сына, поднеся редкий дар, и тем самым официально выйти из тени на политическую арену.

Кто же мог знать, что Се Сюань выкинет такой фокус с этой диковинной картиной? Теперь не только вдовствующая императрица, но и большинство придворных знатоков живописи были полностью поглощены его творением.

Вспомнив недавнюю неудачу на церемонии жертвоприношения, император Цзяньчжао невольно задался вопросом: случайность ли это или сама судьба играет против них?

В этот момент император заметил небольшое движение в рядах императорской гвардии. Из-за расстояния он не слышал, что именно сказал Гу Сюань, но по его выражению лица — смеси пренебрежения и холодного безразличия — император догадался: тот явно критикует картину.

На душе у Цзяньчжао сразу стало легче. Слава небу, остались еще люди с ясным умом.

В конце концов, и столичный гарнизон, и гвардия находятся в его крепких руках. Как бы ни резвились его сыновья, им не поднять большой волны. Нужно лишь подождать, пока Се Хуань окрепнет после свадьбы, и тогда больше не придется скрывать свои истинные намерения.

Морщины на лбу императора разгладились.

Торжественный банкет продолжался. После того как принцы закончили подношение даров, один за другим стали выходить представители императорской фамилии и знатных родов. Хотя их подарки и не были столь изысканны, как у сыновей императора, всё же это были редкие и ценные вещи.

Вдовствующая императрица была уже в годах, и после всей этой суеты она, заметно утомленная, привалилась к спинке кресла. Император Цзяньчжао и наложницы поспешили к ней с заботливыми расспросами.

Старая дама отмахнулась, мягко сказав, чтобы молодежь продолжала веселиться и не обращала внимания на старуху.

Присутствующие почтительно склонились в согласии. Спустя время, когда музыка и танцы ненадолго стихли, гости дружно подняли кубки, осыпая вдовствующую императрицу пожеланиями долголетия и процветания. Будучи человеком мягким, она, преодолевая усталость, выпила вместе со всеми.

После этого она взмахнула рукой, и слуги вынесли целую гору даров для молодых дочерей чиновников. Сама же императрица под руки двух доверенных служанок отправилась отдыхать во внутренние покои дворца Ниншугун.

Среди подарков выделилась дочь левого помощника министра юстиции Вэн Сююна — ей пожаловали нефритовый жезл Жуи. Остальные девушки получили золотые шпильки и украшения. Самые щедрые подношения достались Цзян Яньянь.

Однако Яньянь не чувствовала ни капли радости. В её душе, помимо шока, поселились растерянность и смутный страх.

А супруга герцога Чэньэня — старшая госпожа Цзян — и вовсе не могла скрыть своего потрясения. Её тело была мелкая дрожь.

«Как же так?»

Жезл «Жуи» символизировал выбор императорской семьи. Это был знак будущей невестки. Какими бы дорогими ни были драгоценности, полученные Яньянь, они не могли сравниться со статусом супруги принца.

Сидящая рядом вторая госпожа Цзян после первого потрясения застыла с непроницаемым лицом, но в глубине её глаз плясали искры тайного злорадства. Цзян Жуйжуй, глядя на свои подарки (которых, как обычно, было меньше, чем у старшей сестры), впервые не чувствовала зависти. Только легкое сочувствие. Её вечно гордая и высокомерная сестра не стала невестой Шестого принца...

В саду снова загремела музыка, начались танцы. Однако для членов императорской семьи в этом не было ничего нового. Вслед за вдовствующей императрицей пир покинул и император Цзяньчжао, забрав с собой Четвертого принца Се Хуаня.

Сегодняшний подарок Се Хуаня действительно был хорош. И хотя Се Сюань украл все лавры, проявленная сыновья почтительность никуда не делась. К тому же, выбрав себе жену, принц окончательно стал взрослым. То, что император решил лично принять сына, которому раньше не уделял внимания, ни у кого не вызвало подозрений.

Гу Сыюань во главе отряда гвардейцев последовал за ними, обеспечивая охрану. Вскоре сад начали покидать и остальные принцы.

Улучив момент, старшая госпожа Цзян поспешила увлечь Яньянь в боковой зал дворца Ниншугун. Там их ждала тетюшка Сянсун, доверенная служанка вдовствующей императрицы. Если бы на месте Цзян была любая другая семья, они бы просто смирились — кто посмеет подвергать сомнению волю императорской семьи? Но клан Цзян был родным домом вдовствующей императрицы, и им полагалось объяснение.

Госпожа Цзян схватила Сянсун за руки и, едва удерживая маску благородного спокойствия, в великом недоумении спросила:

— Тетюшка, что всё это значит? Наша Яньянь... как же так?

Сянсун мягко похлопала её по запястью и ласково ответила:

— Старшая госпожа, вдовствующая императрица всегда души не чаяла в молодой госпоже Яньянь.

В душе госпожа Цзян кипела от обиды: «Если бы она действительно её любила, разве нарушила бы своё слово?» Но вслух она лишь вымученно улыбнулась:

— Да, да, я знаю, что Её Величество благоволит Яньянь. Но что случилось с Шестым принцем? Или у вдовствующей императрицы появились другие планы?

— Госпожа Яньянь одарена и талантами, и красотой, к тому же она из родной семьи Её Величества. Стоит ли ей бояться, что она не найдет себе достойного мужа в будущем? — лицо Сянсун оставалось беспристрастным.

При этих словах госпожа Цзян вздрогнула. Она поняла: надежды больше нет. Мужчин в мире много, но кто из них сравнится с принцем? Тем более с Шестым принцем, который пользуется такой любовью императора и имеет все шансы занять трон. Теперь всё прахом.

Не в силах смириться, госпожа Цзян снова вцепилась в руку служанки:

— Тетушка, но я всё равно не понимаю! Её Величество всегда была довольна Яньянь, еще несколько дней назад в покоях всё было в порядке. Почему же сегодня решение внезапно изменилось? Неужели Яньянь совершила какой-то проступок?

Брови Сянсун слегка сошлись у переносицы — этот вопрос уже переходил границы дозволенного. Госпожа Цзян поспешно сунула ей в руку тяжелый кошелек, умоляя:

— Тетушка, смилуйтесь, дайте моему сердцу хоть немного покоя.

Сянсун оттолкнула кошелек, не приняв его. Понимая, что перед ней всё же жена племянника вдовствующей императрицы, а Яньянь всегда была на хорошем счету, она всё же тихо пояснила:

— Проступков за молодой госпожой нет. Просто Шестое Высочество еще слишком юн и пока не намерен брать законную супругу.

Будучи женщиной неглупой, госпожа Цзян мгновенно уловила суть. В её глазах отразилось смятение:

— Тетушка хочет сказать... что это Шестой принц... Он сам не согласился?..

«Слишком юн» — всего на год младше Се Хуаня, обычная отговорка. К тому же Первый и Второй принцы женились, когда им было всего по пятнадцать.

Сянсун лишь еще раз коснулась рук матери и дочери и, не проронив больше ни слова, развернулась и ушла. В боковом зале воцарилась гробовая тишина.

Яньянь стояла, широко раскрыв глаза, её взгляд был расфокусирован. Она всегда недолюбливала Се Сюаня и мысль о браке с ним вызывала у неё лишь отторжение. Но ради великого дела Се Хуаня, ради мужчины, которого она любила, она была готова терпеть и нести это бремя.

И вдруг до неё дошло: тот самый мужчина, которого она так презирала, сам не пожелал видеть

её своей женой. Это было... невысказано.

«Как это возможно? Какое право имел Се Сюань отвергнуть меня?» — её взгляд потемнел от копившейся ярости.

Госпожа Цзян, чьи мысли пребывали в полнейшем хаосе, поняла, что её дочери сейчас еще тяжелее. Она взяла её за руку, пытаясь успокоить:

— Яньянь, тетушка Сянсун права. В мире полно достойных юношей. Моя дочь так прекрасна, неужели ты не найдешь себе мужа по сердцу?

В это время в саду вторая госпожа Цзян и Жуйжуй весело пригубляли вино, наслаждаясь танцами. Увидев выходящих из бокового зала старшую госпожу и Яньянь, они тут же обернулись, впиваясь в них взглядами.

Вторая госпожа Цзян, сощурившись, спросила:

— Невестка, куда это вы ходили? Вас так долго не было.

Старшая госпожа Цзян поспешно изобразила на лице улыбку:

— Да пустяки, вышли проветриться, чтобы хмель из головы вылетел. Угощайтесь, не обращайтесь на нас внимания, — она мягко похлопала по плечу свою поникшую дочь.

Однако Яньянь не оправдала надежд матери. Она не удостоила никого даже взглядом. Забыв о своих привычных манерах и облике благородной дамы, она застыла на месте, глядя в пустоту. Старшая госпожа наконец тоже не выдержала: прикрыв глаза, она тяжело, надрывно вздохнула.

Цзян Жуйжуй, глядя на сестру, закусила губу. Всё было по-прежнему: то же яркое солнце, тот же прекрасный сад с пионами, но прошел всего один час, и мир стал другим. Та самая сестра, что еще недавно с ледяным высокомерием взирала на цветы, делая вид, что всё земное ей безразлично, оказалась всего лишь актрисой. Стоило ей по-настоящему потерять желаемое, как на лице проступила всё та же человеческая растерянность.

«Значит, мы все — самые обычные люди...» — подумала Жуйжуй.

Вторая госпожа Цзян слегка улыбнулась, уже догадавшись, что ситуация не изменится.

— Невестка, пир подходит к концу, многие уже разъехались. Пойдем и мы, скоро стемнеет.

— Что ж, пойдем, — кивнула старшая госпожа.

Яньянь наконец подняла голову, глядя на тетю и Жуйжуй. С тех пор как поползли слухи о её браке с Шестым принцем, эти двое, вечно старавшиеся выгадать для себя лучшее место в доме, заискивали перед ней и матерью, не смея слова сказать наперекор. А теперь их лица снова изменились.

В сердце Яньянь росла ненависть, но за ней тянулась ледяная нить страха. Если даже в семье к ней теперь такое отношение, то что скажут остальные? Как ей теперь выходить в свет, как смотреть людям в глаза? Они ведь уже наверняка втихомолку смеются над ней. Вся эта буря чувств в итоге вылилась в лютую ненависть к Се Сюаню.

«Почему он так поступил? Почему он так обошелся со мной? Какое право он имел отвергнуть

меня?»

Се Сюань, покинувший пир в разгаре веселья, понимает, ничего не знал об этих терзаниях. У него был свой повод для возмущения. Ему тоже хотелось спросить: «За что?» С какой стати он, принц, должен вечно терпеть издевательства этого грубияна Гу Сьюаня?

Ранее Гу Сьюань сопровождал императора Цзяньчжао и Се Хуаня в Зал Высшей Гармонии. Отстояв положенную смену на посту, он дождался сумерек, когда его сменили другие офицеры императорской гвардии. Едва он спустился со ступеней дворца, как за спиной раздался голос:

— Генерал Гу!

Это был Се Хуань. Сегодня у него всё валилось из рук: ни план с подарком, ни затея с женитьбой Яньянь на Шестом принце не выгорели. И во всём был виноват Се Сюань. Видимо, чувствуя в Гу Сьюане родственную душу — ведь тот тоже терпеть не мог Шестого принца — Се Хуань решил с ним сблизиться.

Гу Сьюань вел себя с ним без особого почтения. Таков был его характер: хотя Шестого принца он ненавидел открыто, к остальным относился лишь подчеркнуто официально, без тени симпатии. Однако Се Хуань не сдавался. Он был мягок и обходителен, демонстрируя невероятное терпение. Противостоять такому дружелюбию принца было трудно, поэтому Гу Сьюань молча шел рядом, изображая «деревянного человека».

Когда они огибали сад Юйцзин, Гу Сьюань краем глаза заметил знакомый край одеяний. Он прищурился. Се Хуань же радостно окликнул:

— Шестой брат, и ты здесь!

Се Сюань лишь кивнул и, бросив ледяной взгляд на Гу Сьюаня, ускорил шаг. Заметив этот обмен взглядами, Се Хуань мягко произнес:

— Шестой брат еще мал, генерал Гу, не принимайте это близко к сердцу.

Гу Сьюань холодно усмехнулся:

— Семнадцать лет — и всё «мал»? У Шестого Высочества весьма оригинальная система летоисчисления.

Слова прозвучали дерзко, но Се Хуань не обиделся — он знал, против кого направлен этот яд. Он хотел было еще поговорить, но, заметив, что лицо генерала окончательно посуровело, решил не перегибать палку. Сказав еще пару колкостей в адрес брата, он попрощался и ушел. Увидев, что после его ухода Гу Сьюань заметно расслабился, принц решил, что всё делает правильно.

Проводив взглядом этого назойливого человека, Гу Сьюань тут же развернулся и пошел туда, где скрылся Се Сюань. Он думал, что тот уже далеко, но, свернув за крытую галерею у сада, увидел знакомый силуэт возле рукотворной каменной горки.

Гу Сьюань немного замедлил шаг. Се Сюань сидел на огромном валуне, лениво болтая ногой. Заметив приближение, он с вызовом спросил:

— О, генерал Гу, какими судьбами здесь?

«Хм, только что ведь так весело беседовал с другим!»

Гу Сьюань почувствовал в его голосе ревность. Подойдя вплотную, он небрежно бросил:

— Видел, как в сад ворвался маленький львенок, скалясь на всех подряд. Боялся, что он с перепугу начнет кусаться, вот и пришел изловить.

Се Сюань яростно уставился на него:

— Это кто тут кусается?

Гу Сьюань ущипнул его за мягкую щеку и тихо спросил:

— Я про львенка. А ты, выходит, это он и есть?

Се Сюань покраснел от гнева и, издав короткий звук «гр-р-р», впился зубами в ладонь Гу Сьюаня, прямо в мягкое место у большого пальца.

— Почему ты только надо мной издеваешься?!

Гу Сьюань даже не шелохнулся. Эта «рана» для него была не больше укуса комара. Покусав его немного, Се Сюань поднял голову. Увидев четкий след от зубов на большой ладони, он немного пожалел о содеянном, но тут же снова рассердился:

— Почему ты не уклонился? Даже не дернулся!

Уголки губ Гу Сьюаня чуть дрогнули:

— Опасался, что Ваше Высочество снова скажет, будто я над ним издеваюсь.

Се Сюань, касаясь тонкими пальцами следа от зубов, продолжал ворчать:

— Ты и так издеваешься. С другими — само дружелюбие, надо мной только и знаешь, как издеваться. Еще и на весь сад объявил, что моя картина — это дешевое бахвальство!

«...» — Гу Сьюань промолчал.

Вообще-то, эту картину нарисовал я сам. Но спорить он не стал — иначе Се Сюань приписал бы ему еще какой-нибудь грешок.

Гу Сьюань снова сжал его щеку:

— Может, мне забрать свои слова обратно и сказать всё еще раз, но по-другому?

Се Сюань что-то невнятно пробурчал. Он знал, что просто капризничает, но именно в этой необоснованности и заключалось сладкое чувство того, что тебя балуют. Впрочем, внешне Шестой принц никогда бы не признал свою неправоту. Он внезапно наклонился и коснулся губами следа от зубов на руке генерала, даже кончиком языка слегка лизнул его:

— Вот, теперь не болит.

Гу Сьюань почувствовал мягкое, влажное прикосновение, и его взгляд потемнел. Он обхватил юношу за талию и рывком поднял, заставив встать на камень, так что их лица оказались на одном уровне. Голос его стал низким и холодным:

— Шестой принц, неужели вы забыли, что я сказал вам в прошлый раз у павильона Чуньтао?

Се Сюань моргнул и с лукавой улыбкой прикинулся дурачком:

— Что сказал? Не припомню что-то.

При этом его руки не знали покоя — белоснежные тонкие запястья обвили шею Гу Сыюаня.

Выражение лица генерала не изменилось, взгляд оставался ледяным. Но его широкая ладонь медленно скользнула от талии ниже.

В тени каменного грота раздался тихий звук — «па...» — это нефритовый пояс упал на землю. Се Сюань вздрогнул.

— М-м... — вырвался у него сдавленный стон. — Господин Гу... Генерал Гу, я виноват, пощади меня!

Суровое лицо Гу Сыюаня склонилось к нему, голос звучал приглушенно:

— Тсс! Ни звука. Сюда кто-то идет.

И верно, вскоре совсем рядом послышался хруст ветки под чьими-то ногами.

— М-м... — Се Сюань тут же проглотил все свои стоны и вздохи. Но в его прекрасных глазах застыла влага, и пара прозрачных слезинок всё же скатилась по щекам.

Когда шаги стихли, Се Сюань, привалившись к крепкой груди, не удержался от шпильки, хоть голос его и дрожал:

— Тц... Знаешь, на что мы сейчас похожи?

Гу Сыюань посмотрел на него с обычным холодным безразличием:

— На что же? На тайных любовников.

— ... — Се Сюань промолчал.

«Посмотрите на него. Лицо — как вечный лед, а слова... Лжец, какой же он притворщик».

События в дворце Ниншугун — будь то выбор невест или что-то иное — вскоре затихли, растворившись в суете столицы. Ведь всего через три дня после банкета по доносу из префектуры Шуньтянь разразилось громкое дело, всколыхнувшее все правительство.

—